

Никита Богословский.

Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

Умер Никита Богословский

У него был редкий дар – жить честно

Екатерина Барабаш,
Андрей Хрипин

Он иронично относился к долгожительству, не любил справлять юбилеи и столетний отмечать уже не собирался, говорил, что надоело. Но на самом деле был величайшим жизнелюбом, эпикурейцем, юмористом. Кого он только не разыгрывал! В этом списке полно великих и известных людей начиная с Дмитрия Шостаковича. А какой он был рассказчик – заслушаешься! Сначала просто рассказывал, а потом взял и написал книгу, потом другую... Так появились «Очевидное, но вероятное», «Заметки на полях шляпы», «Завещание Глинки». Написал восемь симфоний, два струнных квартета, семнадцать оперетт, а также одну одноактную оперу («Соль») и один балет («Королевство кривых зеркал»). Но, безусловно, своей неиссякаемой всенародной славой и любовью он был обязан прежде всего кино. «Остров сокровищ», «Истребители», «Большая жизнь», «Таинственный остров», «Ночь над Белградом», «Александр Пархоменко», «Два бойца», «Пятнадцатилетний капитан», «Разные судьбы», «Пес Барбос и необычный кросс», «Всадник без головы». Старшее поколение распевало его песни хором и тихонько пело их младшему поколению на ночь, как колыбельные.

Когда говоришь о Богословском, можно вспомнить три главных момента: музыка, розыгрыши и... какая-то невероятная честность. Конечно, на вопрос о любимом писателе можно почесать в затылке и выдать что-нибудь вроде Томаса Манна или Достоевского, а на вопрос, какой ему видится судьба страны, начать высказывать дежурную озабоченность этим путем. Удивительно, насколько Богословскому все это было не нужно. Когда

его спрашивали о любимом писателе, он честно отвечал: «Аверченко». А когда видел, что ждут продолжения – ну скажи на худой конец «Пушкин», – он упорно объяснял, что просто Аверченко пока никто не понял, а вообще он любит Катаева и немного Булгакова, особенно «Мастера и Маргариту». Только вот всю линию, связанную с Иешуа и Пилатом, роман в романе, пропускает – уж больно скучно. Не стеснялся признаться, что его никогда не интересовала страна, а куда больше – собственное творческое благополучие. И с этим, как он полагал, у него проблем не было. Не было творческих драм, не было творческих падений и взлетов. Все было так, как он хотел.

Он был счастливый человек. Он любил женщин – искренно и обильно, но умудрялся оставаться верным. Он был продуктом советской эпохи – и кто только бы посмел вложить в эти слова хоть грамм негатива. У него была огромная библиотека, 12 тысяч книг, но он ее не читал, потому что всю жизнь хотел позволять себе делать то, что хотел. Он умудрился не состоять ни в пионерах, ни в комсомоле, ни в партии. Его любили сильные мира сего, но он умудрялся не водить с ними дружбу. И – ничего. Делать и говорить то, что ты считаешь нужным, – это счастливейший дар, который дается только тем, кто воистину его достоин.

«Шаланды полные кефали в Одессу Костя привозил...» Молодежь-то и не знает, кто написал эту песню. Но знает и поет. Вот это и есть истинное признание, истинная регалия. Как-то Никита Владимирович сказал, что после его смерти его скоро забудут, а в XXI веке и песни его петь перестанут. Наверное, это было самое большое заблуждение его жизни. ■